

М. В. КОРОГОДИНА

**КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКАЯ РЕДАКЦИЯ
КОРМЧЕЙ КНИГИ КОНЦА XVI ВЕКА:
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ИСТОЧНИКИ***

Кирилло-Белозерская редакция Кормчей книги до сих пор мало привлекала внимание исследователей. Название было ей дано Я. Н. Щаповым по двум известным ученому спискам, происходящим из Кирилло-Белозерского монастыря.¹ Это относительно поздняя редакция, появившаяся не ранее 1590-х гг. и не позже 1620-х — времени, которым датируется ее старший список. Кирилло-Белозерская редакция отличается оригинальностью и уже этим привлекает наше внимание на фоне канонических компиляций XVI в. Активная работа по редактированию Кормчих книг и попытки приспособить их для решения наиболее актуальных вопросов современности были предприняты в первой трети XVI в. — тогда были созданы три авторские редакции Кормчих: Вассиана Патрикеева, митрополита Даниила и Нифонта Кормилицына. Однако после того как Вассиан был признан еретиком (не в последнюю очередь за составление Кормчей книги), а Кормчая Нифонта попала под запрещение сразу двух митрополитов: Даниила и Макария, к составлению новых редакций стали подходить с большой осторожностью. На протяжении середины — второй половины XVI в. появляется несколько новых Кормчих книг, но их невозможно назвать редакциями. Это — компиляции, механически соединяющие выписанные подряд статьи из двух-трех более ранних редакций, в которых нет ни одной новой, оригинальной статьи, ни одного нового перевода, ни собственного сочинения составителя. На этом фоне Кирилло-Белозерская редакция выглядит удивительным

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 11-01-00184а.

¹ Брюсова В. Г., Щапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом // ВВ. М., 1971. Т. 32. С. 85—103. Некоторые наблюдения над Кирилло-Белозерской редакцией были изложены нами в статье: Корогодина М. В. О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря // Каптеревские чтения: Сборник статей. М., 2010. Вып. 8. С. 23—34.

явлением, свидетельствующим об известной смелости и внутренней свободе ее составителя и, несомненно, о его широкой эрудиции.

Известно всего четыре списка Кирилло-Белозерской редакции, близкие по датировке. Рукопись РГБ, ф. 247 (собр. Рогожского кладбища), № 272 (далее — Рогож. 272), относящаяся по филиграммам к 1620-м гг.,² принадлежала чернецу Кирилло-Белозерского монастыря Гедеону, — возможно, тому Гедеону, который в 1607—1612 гг. был сначала келарем, а потом житником Кирилло-Белозерского монастыря, т. е. занимал весьма высокое положение.³ Рукопись РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 3/1080 принадлежала Феофилу Пирожникову, бывшему келарем Кирилло-Белозерского монастыря в 1631 г.⁴ Вероятно, рукопись была написана для келаря Феофила, поскольку по филиграммам она относится к началу 1630-х гг.⁵ Еще один список той же редакции датируется 1643—1644 гг.: ГИМ, Синодальное собр., № 570. Этот список происходит, по всей видимости, из Москвы, поскольку среди многочисленных записей, оставленных в нем вскоре после написания, когда рукопись переходила из рук в руки, упоминается «тередорщик печатного дела».⁶ О немонастырском происхождении книги говорит и мирское имя писца: Афанасий Федоров. Наконец, в ходе обследования рукописных хранилищ Перми, проводимого Археографической лабораторией МГУ,

² Филиграммы: 1) кувшинчик с одной ручкой, полумесяцем и литерами РВ/О, вид: *Дианова*. Кувшин. № 144—145 (1607—1612 гг.) и № 173 (1625—1626 гг.); 2) кувшинчик с одной ручкой, полумесяцем и литерами ІА/У, вид: *Дианова*. Кувшин. № 155 (1622 г.). Записи: оборот верхней крышки — «Сия книга Правила святых апостолъ и святых отецъ Ва(с)я (?)...» (Васьяна? далее затерто); л. 1—4 — «Книга Кирилова монастыря» (запись стерта, почти не читается); л. 1—33 — «Книга глаголемая Правила святых апостолъ и святых отецъ, в неиже и градския законы, черныца Гедеона Кирилова...» (последнее слово заклеено).

³ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006. С. 128, 133.

⁴ Записи: оборот первого нумерованного листа от переплета: «Сия книга Перечень правилъ святых апостолъ и святых отецъ вселенских и помѣстных Кирилова монастыря черныца Феофила»; там же, другим почерком и чернилами: «Правила святых отецъ и апостолъ и святых отецъ седми соборов»; л. 1 (тот же почерк, что в первой записи): «Пирожниковых». *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство... Т. 2. С. 129.

⁵ Филиграммы: 1) дом со змеей, обвивающей вокруг трубы, вид: *Дианова, Костюхина*. П. (1988). № 529 (1631 г.); 2) кувшин с одной ручкой, полумесяцем и литерами Т/RO, близко: *Дианова*. Кувшин. № 242 (1632 г.); 3) кувшин с одной ручкой, полумесяцем и литерами DO, неотжид.; 4) кувшин с одной ручкой, полумесяцем и литерами GG, тип (с литерами OO): *Герасимов*. № 579—580 (1631 г.).

⁶ Записи: л. 39 об. — «Начата бысть писати сия книга святыхъ отецъ Правила во 151-м году февраля въ 15 де[нь] в среду в Великии постъ первой недѣли»; л. 799 — «Совершена же бысть сия книга святыхъ отецъ Правила многръшнаго рукою Афонасия Федорова во 152-м году ноября въ 7 день»; л. 799 об. — «156 году марта въ 3 день продала сию книгу Правило святыхъ отецъ вдова Акулина Алтропяева дочь, а по их велению книгъ печатного дѣла тередорщик Фетка Исаевъ руку приложил»; л. 800 — «В сей книге 800 листовъ, 3 листа однимъ номеромъ написаны, писалъ подьякъ Петръ Камаровъ»; л. 800 об. — «157-го году марта въ 13 день продал сию книгу Правило святыхъ отецъ Андръи Федоров попович от Спаса з Болваново, а подписал своею рукою». Палеографическое описание рукописи и записи из нее опубликованы в книге: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1970. Ч. 1. С. 101—102. № 716.

была обнаружена рукопись, отождествленная Е. В. Беляковой как список Кормчей Кирилло-Белозерской редакции.⁷ Рукопись датируется рубежом 10—20-х гг. XVII в.; имеет многочисленные утраты, особенно в конце. Отсутствие записей XVII—XVIII вв. не позволяет судить о ее происхождении; в начале XIX в. она принадлежала старообрядцам и уже находилась в Пермском крае.⁸ Как видим, все четыре списка достаточно близки по датировке и относятся к 1620—40-м гг., но при этом московский — наиболее поздний из них.

В основу Кирилло-Белозерской редакции положена Кормчая книга Сербской редакции Даниловской подгруппы.⁹ Неизвестный составитель заимствовал из Кормчей Сербской редакции тексты (как правило, подряд, лишь с небольшими перестановками) не только из основного состава, но и из дополнительных статей о монашеской жизни, приписанных к Сербской редакции игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, будущим митрополитом Даниилом. Однако создатель новой Кормчей почти все тексты дал в сокращении; сокращению и переделкам подвергся и Номоканон XIV титулов, традиционно выполнявший роль тематического указателя к Кормчей. Составитель новой редакции убрал деление на грани, введя сплошную нумерацию глав, при этом многие главы прежнего Номоканона были им исключены или переформулированы. Однако эта его работа производит впечатление непродуманной или незавершенной: указатель в 156 главах не облегчает поиск правил на интересующую тему. Убрал деление на грани, которые группировали главы по обширным темам, составитель лишь затруднил пользование указателем. С другой стороны, сплошная нумерация глав наводит на мысль, что перед нами оглавление ко всей книге, но составитель не стал распределять правила в соответствии с указателем (как сделали в первой половине XVI в. Вассиан Патрикеев и Нифонт Кормилицын). Все же, хотя редактирование Номоканона XIV титулов нельзя признать удачным, оно, несомненно, потребовало большой работы от автора новой Кормчей.

Более удачным было сокращение пространных правил вселенских и поместных соборов, из которых составитель выбирал только правило или только толкование, а многие статьи кратко пересказывал. Это позволило составителю, не выбросив ни одного правила соборов или святых отцов, существенно сократить объем Кормчей книги. При этом наибольшему со-

---

⁷ Приношу искреннюю благодарность Е. В. Беляковой за сообщение об этом списке. Краткие сведения о нем опубликованы: *Белякина Ю. С.* Рукописи XV—XVII вв. в государственных хранилищах Пермского края: К предварительным итогам описаний Археографической лаборатории МГУ // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 190—193.

⁸ Благодарю Ю. С. Белякина за возможность ознакомиться с подготовленным им описанием Кормчей, которое будет опубликовано в описании рукописей, хранящихся в Перми. Изучение рукописи *de visu* подтвердило правильность датировки по водяным знакам.

⁹ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 154.

крашению подверглись те правила, которые входили в каждую Кормчую, независимо от редакции: правила вселенских и поместных соборов, некоторые отеческие правила. Их можно было с легкостью найти в любой Кормчей книге. В то же время такое объемное сочинение, как Прохирон (Закон градской), который во многих русских редакциях Кормчей был представлен лишь краткими выписками, был переписан в новой редакции без сокращений. Надо заметить, что Сербская редакция очень редко использовалась как источник, и, возможно, она привлекла составителя именно редкими статьями, неизвестными по другим каноническим сборникам. Особенно активно Кормчие Даниловской подгруппы переписываются во второй половине — конце XVI в.; к сожалению, дошедшие до нас списки не сохранили писцовых или вкладных записей и сложно судить об ареале их распространения.

Создатель новой Кормчей дополнил Кормчую Даниловской подгруппы по спискам Кормчих Чудовской и Софийской редакций — наиболее распространенных русских редакций, списки которых хранились как у глав епархий, так и в монастырских библиотеках. Кроме того, составитель выписал из различных сборников и иных книг целый ряд статей, нехарактерных для Кормчих. Сюда вошли выписки из Стоглавого собора о тафях и о пострижении бороды (гл. 116—117 Кормчей) и другие русские статьи, например Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 г. и празднике 1 августа.

Одна из таких статей — правило собора 1503 г. о вдовых попах (гл. 115), в начале имеет любопытное дополнение — упоминание царя Федора Ивановича: собор «при царствѣ Московскаго благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича всеа Руси, иже бысть правнукъ великаго князя Дмитриа Ивановича Донскаго, прадѣд же благочестиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича, в лѣто 7011». Я. Н. Шапов рассматривал это как прямое указание на то, что вся редакция была составлена при царе Федоре Ивановиче.¹⁰ Исследователь нашел и другое датирующее указание, которое свидетельствует о создании редакции в 1590-х гг.¹¹ Речь идет о «Сказании о видении Спасова образа царю Мануилу» (гл. 118), рассказывающем о новгородской иконе XIV в. «Спас на престоле».¹² В Сказании говорится о том, что грек Дмитрий Ласкирев, увидев икону «Спас на престоле» в Софийском соборе в Новгороде, спросил у священников, знают ли они о происхождении образа, и, получив отрицательный ответ, рассказал легенду о наказании греческого царя Мануила за вмешательство в святительский суд. Объясняя необычный указующий вниз жест Спаса на иконе, Сказание по-

¹⁰ Брюсова В. Г., Шапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. С. 91.

¹¹ Там же. С. 91—92.

¹² Датировку иконы см.: Смирнова Э. С. «Спас Златая риза»: К иконографической реконструкции чтимого образа XI века // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996; Брюсова В. Г., Шапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле... С. 97—99. Иную точку зрения см.: Гордиенко Э. А. Икона «Спас царя Мануила» и сказание о ней в истории новгородской церкви // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 48—74.

рицает вмешательство светской власти в церковные дела. В 1561 г. в числе других новгородских святынь икона была по приказу царя Ивана Грозного вывезена в Москву и помещена в Успенском соборе; в 1572 г. новгородцы получили копию с иконы, однако сам образ остался в Москве. Как было показано Я. Н. Шаповым, Сказание сохранилось в нескольких редакциях XVI в., отражающих разное время и место их создания. Так, в московских редакциях Сказания второй половины XVI в. указывается, что икона располагается напротив митрополичьего места в Успенском соборе; в новгородских же редакциях упоминается лишь о расположении иконы (на самом деле — ее списка) в Новгородской Софии. В разбираемой нами редакции Кормчей книги, сохранившей особый извод Сказания, также указывается ее место: «принесень бысть той чудный образ из великаго Новаграда во царствующи градъ Москву и поставленъ бысть в велицеи церкви соборней пречистыя Богородицы честнаго Ея Успения на правой странѣ противу царскаго мѣста и патриаршеска, идѣже и донынѣ есть вѣрными знаемъ и от всѣх поклоняемъ». Таким образом, Сказание добавляет нам два важных сведения для изучения истории создания интересующей нас редакции Кормчей книги. Во-первых, несмотря на очевидный интерес к новгородским древностям, данная редакция Сказания, очевидно, связана с Москвой. Во-вторых, как и в случае с правилом собора 1503 г., эта редакция Сказания могла появиться не ранее 1589 г., когда место главы русской церкви в Успенском соборе стало называться патриаршеским. Таким образом, независимое упоминание в двух статьях (причем статьях, появляющихся только в данной редакции Кормчей) царя Федора Ивановича и патриаршеского места позволяют датировать всю редакцию 89—98 гг. XVI в.

Еще одна новая для Кормчих книг статья в составе данной редакции указывает на связь с Новгородом — «Кажение на величании съ владыкою» (гл. 100). Этот текст подробно описывает последование каждения икон игуменом в присутствии архиепископа. Составитель перечисляет шаг за шагом все иконы, перед которыми должен кадить игумен; от Деисуса над Царскими дверями игумен движется направо: «от Царьских дверей с правой страны кадит святую Софию Премудрость Божию». Далее составитель называет еще ряд икон Спаса и Богородицы в местном ряду и на столпах; но безусловно самым важным для нас является указание на храмовую икону Софии Премудрости Божией в соборе, где присутствует архиепископ. Эта же статья встречается еще в одной рукописи конца XV в. новгородского происхождения: РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 472. Несомненно, речь идет о новгородской иконе Софии, появившейся в кафедральном соборе Великого Новгорода при архиепископе Геннадии.¹³ Это означает, что статья о каждении была написана сразу после появления новой храмовой

---

¹³ Иконы Великого Новгорода. М., 2008. Кат. 45. С. 340—346 (автор описания Т. Ю. Царевская).

иконы в главном новгородском соборе. Присутствие этой статьи в рассматриваемой нами Кормчей книге указывает на связь ее составителя не только с Москвой, но и с Новгородом.

Автор компиляции, бесспорно, был человеком широко образованным и делал выписки на самые разнообразные темы, перерабатывая их и развивая идеи, почерпнутые в чужих сочинениях. Так, он заимствует из Пролога Пространной редакции Правило к живущим церковь Исидора Пелусиотского (гл. 120). Следующие главы (120. II и 121) о почитании Церкви составлены на основе Слова 7 Пророка Иосифа Волоцкого.

Еще одна из включенных автором компиляции статей посвящена необходимости коленопреклонения (гл. 122). В статье пересказывается легенда об усердной молитве Богородицы, от коленопреклонений которой осталось углубление на мраморном камне. Далее со ссылкой на «греческий гранограф» упоминается об апостоле Иакове, брате Господне, у которого от долгих молитв колени стерлись и стали плоскими.¹⁴ Под «греческим гранографом» скрывается Хроника Георгия Амартола, в составе которой действительно есть сходный рассказ.¹⁵ Статья «О коленопреклонениях» известна в более пространной редакции по нескольким спискам середины XVI в.,¹⁶ в том числе по сборникам, содержащим сочинения Максима Грека. Это дало основание А. И. Иванову и Н. В. Симицыной отнести текст к переводам Максима Грека.¹⁷ Мы не беремся судить, действительно ли эта статья относится к переводам знаменитого книжника; для изучения Кормчей важно, что текст известен по ранним спискам.

Однако в Кормчей находится несколько статей, которые не удалось найти в предшествующей рукописной традиции. Уже то, как смело составитель сокращал и пересказывал соборные и отеческие правила, показывает, что он не собирался ограничиваться компилированием текстов. Действительно, наряду с выписками из разных источников, составитель вносит в Кормчую тексты собственного сочинения. Кормчая открывается витиеватым Предисловием, в начале которого противопоставляются библейские герои; текст при этом ближе к стихотворному, чем к прозаическому:

«...еяже (заповедь. — *М. К.*) не сохранивъ Адамъ, древния породы изгнася;

¹⁴ Кир.-Бел. 3/1080, л. 434 об.

¹⁵ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 261 («колѣнѣ же его (Иакова) раслаблени быста яко вельблуду, зане вьину преклания колѣнѣ Богу поклоняшеся»).

¹⁶ РНБ, Софийское собр., № 1454 (ок. 1540 г.), л. 162—164; РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 264 (1551—1555 гг.), л. 70 об.—71 об.; РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского мон.), № 491, л. 472 об.—475. В наиболее раннем списке — Соф. 1454 — Максим Грек не упоминается.

¹⁷ *Симицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 252—53; *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. № 285.

еяже сохранивъ Енохъ, иже в седмомъ роде освященъ бысть, и въ боговъдомое мѣсто преселися.

Еяже не сохранивъ Каинъ, злобы на братоубиство исполнился; еяже сохранивъ Авель — самого Бога взыскателя крови его быти получи, иже и убицу Каина на земли трясеиномъ мучитися осуди.

Еяже не сохранивъ Невротъ, умъ о столпоздательствѣ в неподобное творение преврати, тѣмъ и вселеннаа размѣщениемъ пострада.

Еяже сохранивъ Еверъ Фалековъ, тѣмъ от рода его мнози праотцы и святии пророцы провозсияша, тѣмъ и воплощение Слова Божиа влекшеся...» (Рогож. 272, л. 1).

Очевидно стремление автора предисловия приукрасить свой текст, что иногда сильно затемняет смысл сказанного. Впрочем, создается впечатление, что первоначально предисловие было написано более простым языком, и лишь на заключительном этапе автор «улучшил» его, дополнив сложными конструкциями. Например, в приведенных ниже фразах выделенные курсивом слова выглядят вставкой, которая призвана украсить текст в ущерб смыслу:

«да обрящет на ряду книги сея прочитая и всякъ и тѣм *остропостнаго течения и стремленаго претыканиа тлетворныхъ страстей* лсти на путь праваго жителства наставляемъ бываетъ, и потомъ правовѣрно и благожителствено да пребываетъ»;

«от сего да примет ползу души же реку и плоти, и потомъ великая восприиметь, реку всѣхъ божественѣишихъ догматъ *сианиемъ словесная тогова* душа *умозрительно* просвѣщающеса озарится и присно *во благоденствии здраваго учения* о Бозѣ спасение получить» (Рогож. 272, л. 13—13 об.).

Еще две статьи, которые, как можно предполагать, принадлежат перу составителя Кормчей, находятся в конце книги. Одна из них — «Сказание к нехотящим кланяться» (гл. 122. II), в которой автор объясняет, что, в отличие от всех животных, человек один смотрит на небо в поисках небесного отечества и потому называется «анфросос, нашим же языкомъ толкуется „горѣ зряи“». Как было показано французским исследователем Ромеюном Гарнье, те же идеи высказывались еще античными авторами, начиная с Платона, и особенно широко были распространены в латинской традиции: у Цицерона, Сенеки, Овидия, Ювенала, Силлуса.¹⁸ К сожалению, непосредственный источник такого толкования в древнерусском тексте пока неизвестен. Однако это толкование особенно полюбилось автору, и он приводит его в двух текстах: «Сказании к нехотящим кланяться» и «Сказании о наречении имен», что доказывает их принадлежность одному человеку, можно полагать — составителю Кормчей.

¹⁸ *Garnier Romain. Nouvelles Réflexions Étymologiques autour du Grec ἈΝΘΡΩΠΟΣ // Bulletin de la société de linguistique de Paris CII, 1 (2008). P. 131—154.*

В последнем Сказании автор предлагает своеобразное толкование человеческой жизни и человеческих имен (гл. 128). У каждого православного три рождения и, соответственно, — три имени. Первое рождение плотское, и по нему дается общее имя: человек, т. е. «составъ» (еще одно толкование слова человек!). Второе рождение — крещение, по которому человек принимает второе имя: христианин. Третье же рождение — воскресение во время второго пришествия. Прообраз этого воскресения — трехкратное погружение во время крещения, после которого нарицается третье имя: «Иваннъ или кое от святыхъ», каждому свое. Четвертого же имени быть не может, но для простоты общения некоторым даются дополнительные прозвища «от нужды жительства или коего рукоделия прилагаето сице: Иванъ Швець или Козма Усмарь, или от места, или от отечества». Есть же люди, которые дают имена «по своему изволению: Томила и Шумила», но эти имена «ветром мысли человеческих надуновени суть, с ветром же и паки растлеваеми бывають». Таков небольшой трактат по ономастике конца XVI в. Приведенные в нем имена и прозвища убедительно говорят о его русском происхождении; а использование одного и того же толкования «анфросос, нашим же языкомъ толкуется „горѣ зряи“», на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности двух текстов: «Сказания к нехотящим кланитися» и «Сказания о наричении имен» одному автору — составителю Кормчей.

Эти два Сказания в Кормчей разделены подборкой текстов о поклонении иконам и об иконописцах, охватывающей 123—127 главы Кормчей. Первый текст («О святыхъ иконахъ, имъже поклонитися подобаетъ») служит продолжением предшествующего «Сказания к нехотящим кланитися» и говорит о необходимости почитания икон. В то же время составитель уклоняется в богословие, толкуя образ Святой Троицы как «ум, слово и дух» и объясняя, что, кланяясь друг другу, люди кланяются «не плоти, но образу Божию», в противном случае следовало бы кланяться и скотам: коням или волам. Здесь мы видим то же противопоставление человека и животных, что и в предыдущей главе. В этой статье находятся ссылки на некоторые источники. Так, здесь упоминается «повесть о Раклиеве столпе» — это одна из глав Сербской редакции Александрии, которая до XVII в. известна в единственном Ефросиновском списке, а активно переписываться начинает лишь в XVII в.¹⁹ Говоря о различных изображениях, автор делит их на две категории: одни — «святыни ради», другие — «на показание века, памяти ради». К последним он относит образ «Менандров и прочих». Изображение Менандра (литературным источником для которого, как показала Н. А. Казакова, послужили «Пророчества еллинских мудрецов»)²⁰ известно лишь на галерее и вратах кремлевского Благовещенского собора и на вратах кремлевского Успенского собора и Троицкого собора Ипатьев-

¹⁹ См.: ВЛДР. СПб., 2003. Т. 8. С. 9.

²⁰ Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.: Л., 1961. Т. 17. С. 358—368.

ского монастыря.²¹ Все это заставляет нас полагать, что статья возникла не ранее второй половины XVI в.; вероятно, ее автор был хорошо знаком с интересами кремлевских соборов.

Следующие главы посвящены иконописцам;²² они открываются рассуждением о моральной чистоте иконописцев и наставлениями относительно их ремесла, близкими по сути к 43-й главе Стоглава. В них запрещается вводить любые новшества в «древние переводы» и подчеркивается, что иконописец должен быть не только умельцем, но и добродетельным человеком, в противном случае он не должен писать иконы. Недопустимо иметь у себя иконы, написанные неверными: «иностранными римлянами и германами», а особенно — «погаными арменами», поскольку даже если эти иконы «по подобию суть, но совесть ихъ (неверных. — *М. К.*) нечистоте подлежитъ»; также нельзя православные иконы продавать неверным. Иконы можно писать на любом крепком материале: «на всякомъ древе, и на камени, и на столпехъ, и на стенах, и на сосудах церковныхъ», кроме стекла, «понеже сия сокрушительна есть вещь». Следом говорится об отношении к иконописцам. На празднествах их надо сажать на почетные места рядом со святителями, наравне с причетниками. При назначении платы иконописец не должен запрашивать слишком много, но довольствоваться платой, необходимой для покупки пищи, одежды и «шаровнаго запасцу» (т. е. необходимых для иконописи материалов); заказчик же не должен скупиться, чтобы иконописец потом не роптал на него.

Самым необычным выглядит запрет писать изображения, предназначенные не для молитвы, а «на глумление человекомъ»: зверей, змей, насекомых (кроме тех случаев, когда они необходимы по сюжету иконы). В другой статье также подчеркивается, что запрещено ставить над дверями изображения зверей или «неверных храбрых мужей». Между тем изображение зверей характерно для конца XVI в. В качестве примера можно привести фронтиспис к Стихирарю «Дьячье око», известному в нескольких списках.²³ Особенно много изображений животных в списке Стихираря конца XVI в., вложенном позже (в 1636 г.) в Кирилло-Белозерский монастырь (РНБ, Кир.-Бел. 586/843).²⁴ По мнению Н. В. Рамазановой, эта рукопись московского происхождения.²⁵

²¹ Чернецов А. В. Золоченые двери XVI века. М., 1992. С. 65—67.

²² Корогодина М. В. «Сказание об иконописцах»: проблемы атрибуции // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. С. 362—365.

²³ Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве. СПб., 2004. С. 238—240.

²⁴ Враская О. Б. Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. С. 274; Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 240—252. Публикацию изображений в другом списке Стихираря (ГРМ, Др. гр. 19) см.: Свириц А. И. Искусство книги Древней Руси. М., 1964. С. 274.

²⁵ Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 230—237.

Обращение к реалиям второй половины — конца XVI в., смысловые «переключки» с предшествующей статьей, принадлежащей, по нашему мнению, составителю Кормчей, а также положение статей об иконописцах между двумя статьями, написанными составителем Кормчей, — все это заставляет нас предположить, что главы об иконописцах также были созданы автором Кормчей книги.

Статьи об иконописцах оказались самыми популярными из всей Кормчей книги, особенно среди старообрядцев. Есть целый ряд списков второй половины XVIII — XIX в., в которых выписаны статьи об иконописцах со ссылкой на Кормчую, именно на те номера глав, что в изучаемой нами редакции Кормчей.²⁶ В XIX в. в Белой Кринице Кормчая из Кирилло-Белозерского монастыря была отредактирована и дополнена новыми статьями; впоследствии перевезена в Москву, где активно переписывалась в середине — третьей четверти XIX в. Одновременно с тиражированием Кормчей в старообрядческой среде статьи об иконописцах появляются в старообрядческих сборниках сочинений Максима Грека (Большаковское собрание по терминологии Д. М. Буланина и А. Т. Пашкова).²⁷ Это дало основания А. И. Иванову и Н. К. Гаврюшину²⁸ предположить, что статьи об иконописцах принадлежат перу Максима Грека. Однако, возможно, подборка об иконописцах была приписана Максиму Греку уже в старообрядческой среде, поскольку этот любимый старообрядцами книжник оставил несколько сочинений о почитании икон. При этом надежно атрибутируемые Максиму Греку сочинения о почитании икон, такие как «Слово о поклонении святых икон списано против еретик», «Слово о поклонении святых икон противу являшагося в немцех иконоборца Лютора»,²⁹ не имеют никаких переключек с текстами, извлеченными из Кормчей.

Статьи об иконописцах привлекли внимание не только старообрядцев. Уже в XVII в. они были внесены со ссылкой на Кормчую книгу в предисловие к Иконописному подлиннику Большакова, наравне с 43-й главой Стоглава.³⁰ Анонимные в Кормчей, в Иконописном подлиннике статьи были приписаны Исидору Пелусиотскому. Очевидно, это произошло потому, что

---

²⁶ РНБ, собр. Титова, № 3266, л. 364; РГБ, ф. 199 (собр. Никифорова), № 557, л. 1—5; БАН, собр. Дружинина, № 155, л. 179 об.—180 об. (гл. 126); БАН, собр. Дружинина, № 154, л. 134—137 (гл. 124—126). См.: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7. Вып. 1: Сочинения составителей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984. С. 198—203, 206—208.

²⁷ ГИМ, собр. Хлудова, № 75, л. 772—774 об. и РГБ, ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова), № 437 (прежний шифр: ф. 178 (Музейное собр.)), № 3840, ч. 2). *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 247—249.

²⁸ *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. № 151; *Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв.: Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М., 1993.*

²⁹ *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. С. 116—118, № 146, 148.

³⁰ Подлинник иконописный: Издание С. Т. Большакова / Под ред. А. И. Успенского. М., 1903. С. 21—23. Предисловие к иконописному подлиннику Большакова появилось не ранее конца XVII в., поскольку его автор обильно ссылается на печатные и рукописные книги вто-

одна из предшествующих глав в Кормчей была надписана именем этого святого (гл. 120), и все последующие анонимные главы также были отнесены к нему. Ложная атрибуция Исидору Пелусиотскому, появившаяся в Иконописном подлиннике, была принята О. Ю. Тарасовым.³¹ Возможно, соседство с выписками из Стоглава в Иконописном подлиннике навело А. И. Иванова на мысль, что статьи об иконописцах послужили источником для 43-й главы Стоглава.³² Предположение было поддержано Тарасовым, который всю изучаемую нами Кормчую отнес ко времени митрополита Макария, утверждая, что, «как известно», эта Кормчая была составлена при подготовке Стоглавого собора.³³ Как мы уже видели, Кормчая из Кирилло-Белозерского монастыря не могла быть составлена ранее 1590-х гг. Если статьи об иконописцах использовались при подготовке Стоглавого собора, то непонятно, почему в постановления собора вошли идеи лишь первой статьи (гл. 124) (о нравственной чистоте иконописцев и использовании древних образцов) и совершенно не были востребованы остальные статьи об иконописцах и иконописании. Вообще текстологических соответствий в Стоглаве и в «Сказании об иконописцах» нет; сходство лишь на уровне тематическом. Можно полагать, что скорее пространная 43-я глава Стоглава послужила источником для краткого «Сказания об иконописцах» в Кормчей. Вероятно, как и во многих других случаях, составитель Кормчей кратко пересказал источник, дополнив его собственными рассуждениями.

Последние главы Кормчей посвящены некоторым обрядам и таинствам православной Церкви, в том числе крещению и погребению. Эти статьи (как, вероятно, и предшествующие им краткие тексты о целовании икон и принятии святой воды) выписаны из какого-либо энциклопедического сборника. Статьи о крещении и погребении, включенные в Кормчую, известны уже в рукописях середины XVI в.³⁴ Таким образом, завершая книгу выписками с решением некоторых насущных вопросов, автор не обобщает и не подводит итог собственной работе над Кормчей, оставляя нас гадать: была ли у него какая-то общая цель, почему и ради чего проделал он огромную работу по переделке соборных правил и созданию новых текстов.

Итак, мы рассмотрели состав Кормчей. Когда же и где могла быть создана эта редакция? Упоминание в двух независимых текстах патриаршего места в московском Успенском соборе и царя Федора Ивановича указывает на время 1589—1597 гг.

Сложнее понять, где была составлена Кормчая. Мы находим в Кормчей противоречащие друг другу локализирующие указания: Новгород, Москва,

---

рой половины XVII в., в том числе на «Щит веры» с датой 7198 (1689/90) г. (Там же. С. 4—24).

³¹ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в императорской России. М., 1995. С. 132—134.

³² Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. № 151.

³³ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. С. 132—134.

³⁴ БАН, 25.7.2, л. 127—129.

Кирилло-Белозерский монастырь. Прежде всего, возникает вопрос, как появилась эта редакция в Кирилло-Белозерском монастыре. Список Рогож. 272 писан двумя полууставными почерками; можно полагать, что первый из них, по начертаниям близкий к полууставу конца XVI в., принадлежал писцу старой выучки. Рукопись писана красиво и без помарок, украшена тремя заставками и не производит впечатления черновика новой редакции. Вероятно, рукопись была написана на заказ, возможно — для чернеца Гедеона. Вторая Кирилло-Белозерская рукопись (Кир.-Бел. 3/1080) представляет собой скорописный список с первой.

Если бы два кирилло-белозерских списка были переписаны с более ранней рукописи, вложенной в монастырь, то она должна была быть зафиксирована во вкладных и переписных монастырских книгах. Однако ни в одной из трех переписных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1615, 1621 и 1635 гг. такого вклада нет.³⁵ Не поступили в монастырскую книгохранильницу и известные нам рукописи; они представляли собой личное имущество монахов, занимавших видное положение в монастыре.

Может быть, протограф дошедших списков был не вложен в монастырь, а написан в нем, т. е. сама редакция была создана в Кирилло-Белозерском монастыре? Однако заключительные главы Кормчей, посвященные наречению имени, совершению треб (крещения и погребения), иконописи и взаимоотношениям с иконописцем, работающим не в монастыре по благословию игумена, а на заказ, намекают скорее на немонастырское происхождение книги. Кроме того, в Кирилло-Белозерском монастыре не было Сербской редакции Кормчей — основного источника рассматриваемой компиляции. Все это делает сомнительным создание в монастыре новой редакции Кормчей. В то же время присутствие Устава Студийского монастыря (включая дисциплинарную часть) свидетельствует о том, что составитель Кормчей уделял особое внимание вопросам монастырского управления.

Как же согласовать все сведения об этой необычной канонической компиляции? Несмотря на использование текстов московского происхождения, таких как «Сказание о видении Спасова образа царю Мануилу», отсутствие развитой рукописной традиции не позволяет отнести компиляцию к московским митрополичьим кругам. Младший список 1640-х гг. был написан в Москве за несколько лет до начала работы над московской Печатной Кормчей, и хотя на нем расписался «тередорщик печатного дела», эта Кормчая не была использована при составлении печатной Кормчей. Источниками печатной Кормчей, как было показано Е. В. Беляковой, были самые авторитетные канонические книги;³⁶ по всей видимости, изучаемая

³⁵ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1908; РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 73/1312 и № 75/1314.

³⁶ Белякова Е. В. Источники Печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 99—115.

нами Кормчая к ним не относилась. Очевидный интерес составителя к новгородским древностям и традициям («Сказание о видении Спасова образа» и «Кажение на величание со владыкою») наводит на мысль о связи автора Кормчей с Новгородом; но другие статьи Кормчей и происхождение ее списков не дают отнести к Новгороду весь текст.

Возможно, изучение сборников смешанного состава позволит добавить новые данные для атрибуции этой редакции, однако сейчас в нашем распоряжении таких данных нет. Тем не менее можно высказать предположение (не претендующее на окончательность), что инициатором создания новой Кормчей мог быть митрополит Ростовский Варлаам. Василий Рогов, будущий митрополит Варлаам, родился в Кореле, а в юности жил в Новгороде, где учительствовал его старший брат, роспевщик Савва Рогов. В 1560 г. Варлаам впервые стал игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, но пробыл им меньше года. Вторично он игуменствовал в Кирилло-Белозерском монастыре в 1563—1564 гг., а позже временами жил в этой обители. Известно, что в это время Варлаам занимался перепиской книг. Позже Варлаам возглавлял Соловецкий монастырь (1569—1581 гг.), Зосимов Ворбозомский монастырь (1583 г.) и Владимир-Рождественский монастырь (1583—1584 гг.). С 1584 г. он снова стал игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, а в 1587 г. был поставлен в архиепископа Ростовского. В 1589 г. он стал одним из кандидатов на патриарший престол, а после избрания патриархом Иова был возведен в сан митрополита Ростовского, в котором и пребывал до смерти в 1603 г. Варлаам участвовал во всех соборах и событиях церковной жизни второй половины XVI в., подолгу жил в Москве и часто бывал в Новгороде. Он сохранял неизменную любовь к Кирилло-Белозерскому монастырю и делал в него большие вклады, в том числе книжные.³⁷ Варлаам наиболее известен как роспевщик, оставивший после себя оригинальные песнопения, поэтому изучением его деятельности занимаются почти исключительно музыковеды. Однако, несомненно, в жизни Варлаама была и другая сторона, не столь известная исследователям. Он игуменствовал в разных монастырях с небольшими перерывами на протяжении четверти века; возглавлял одну из крупнейших епархий и в этом качестве выдвигался кандидатом на патриарший престол. Безусловно, Варлаам обладал огромным опытом церковного управления. Привитая с юности любовь к новгородским святыням и хорошее знание постановлений московских соборов, эрудированность и умение сводить разные по происхождению тексты — все это должно было отличать митрополита Варлаама. Для митрополита Ростовского неслучайным кажется и интерес к иконописи и иконописцам — ведь именно Ростовская епархия славилась своими иконописными школами во второй половине XVI в. Хотя, в отличие от иконописцев, роспевщикам в Кормчей

---

³⁷ Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Варлаам (Рогов Василий) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 597—598.

не посвящено отдельных статей, зато Предисловие к Кормчей начинается со слов 118-го псалма: «„Миръ много любящим законъ“, — рече деместикъ». Так, Кормчую книгу открывает «деместик» — начальник церковного хора, и его неожиданное (с точки зрения традиционных Кормчих книг) появление здесь становится понятным, если автором этой редакции был митрополит Варлаам — роспевщик и создатель церковных хоров. Митрополит Варлаам мог хорошо знать Стихирарь «Дьячье око», в котором были изображены звери, вызвавшие возмущение составителя Кормчей.

Если к созданию Кормчей причастен митрополит Варлаам, то возможно, что он не успел закончить свой канонический труд; во всяком случае, Кормчая книга из Кирилло-Белозерского монастыря оставляет ощущение незавершенности. Тематический указатель, заменивший Номоканон XIV титулов, не был вполне продуман, и сама книга оканчивается статьями из требников о крещении и погребении мирян — статьями, никак не относящимися к тематике Кормчих книг. В XVII в. новая редакция не получила распространения, и этому не стоит удивляться в том случае, если ее автором был митрополит Варлаам. После смерти митрополита Варлаама Ростовскую кафедру занял Иона Думин; около года спустя он оставил кафедру. Даже если у него была возможность заняться новой редакцией Кормчей, которую, как мы предполагаем, оставил ему предшественник, Иона вряд ли стал бы это делать. У него были собственные предпочтения относительно Кормчих книг — вложенный им во Владимирский Рождественский монастырь список Кормчей принадлежит к Крестининскому виду Кормчей Чудовской редакции и дополнен выписками из разных источников.³⁸ После того как Иона ушел на покой, Ростовская кафедра вдовствовала около года, а затем ее занял митрополит Кирилл (Завидов), также пробывший митрополитом лишь год. На смену ему в 1606 г. пришел митрополит Филарет (Романов), но Смутное время уже не оставляло возможностей для мирных занятий книжной справой. В 1610 г. Филарет отправляется в Польшу, где остается до 1619 г.; в его отсутствие епархией управлял Кирилл (Завидов) (1611—1616), а после его смерти Ростовская кафедра оставалась незанятой до 1619 г. Лишь в 1619 г. на кафедру пришел второй митрополит Варлаам, бывший ростовским митрополитом треть века; он, наконец, навел порядок в епархии. Как видим, с 1603 по 1619 г. Ростовская епархия переживала непростое время — сначала смена митрополитов, каждый из которых был недолгое время; в промежутках кафедра подолгу пустовала. Затем Смута, словившая все представления и привычное течение жизни. Ростовский архиерей оказался в самой гуще событий, и забота о кафедре отошла для него на задний план. Неудивительно, что за это время новая редакция Кормчей, если она была связана с ростовским митрополитом Варлаамом, могла затеряться. Возможно, спасением для Кормчей от полного

---

³⁸ ГИМ, Музейское собр., № 3471.

забвения оказалась связь митрополита Варлаама с Кирилло-Белозерским монастырем, которую он сохранял до конца дней. Можно предположить, что при жизни митрополита Варлаама или после его смерти кто-либо из Кирилло-Белозерского монастыря, хорошо знавший старого митрополита, сделал копию новой Кормчей.

* * *

Как и многие другие средневековые книги, после появления в 1653 г. печатного издания Кормчей рассматриваемая редакция стала мало востребованной. Все же Кормчая продолжала цениться в монастыре: в XVIII в. из нее делались выписки со ссылкой на «древлеписменную» Кормчую.

Однако эта редакция Кормчей получила неожиданное продолжение в XIX в. Список, принадлежавший когда-то кирилло-белозерскому иноку Гedeону (Рогож. 272), в середине XIX в. оказался в старообрядческой Белокриницкой митрополии. Та же судьба была у Устава церковного, переписанного в 1590 г. кирилло-белозерским писцом Тихоном Азацким (БАН, Белокр. 112). В Белокриницкой митрополии решили дополнить древнюю Кормчую новыми статьями. Сделав список с «древлеписменной» Кормчей (Рогож. 272), компилятор прибавил к нему еще 24 главы, выписанные из других рукописных книг, бывших в Белой Кринице. Среди рукописей, откуда выписывались дополнительные статьи, оказался и Устав Тихона Азацкого, из которого был не только переписан ряд статей, но и скопирована запись Тихона. Сохранился черновик белокриницкой Кормчей (РГБ, ф. 247 (собр. Рогожского кладбища), № 274. I), в которой неизвестный компилятор указал свои источники, в том числе «древлеписменной сборникъ, писанъ въ концѣ 15-го столѣтїя», «сборникъ древлеписменной, писанъ въ царство царя Ивана Васильевича, сына великаго князя Василя Ивановича, дѣда же царя Ивана Васильевича Грознаго», «древняя рукопись Львовской библиотеки» и другие. После завершения работы и исправления нумерации глав в Кормчей, в середине — второй половине XIX в. было изготовлено еще по меньшей мере два списка, дошедшие до нашего времени: РГБ, ф. 247 (собр. Рогожского кладбища), № 273 и РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 666. Так необычная анонимная каноническая компиляция конца XVI — первой четверти XVII в. оказалась востребованной в Новое время.